

Нонна МОРДЮКОВА Труд - 1994 - 7 мая - с. 7.

МОИ СОЛДАТЫ

Актёрская судьба полна неожиданностей. Нонна Мордюкова сполна познала эту истину в затяжных экспедициях, в дальних поездках, в многочисленных встречах, которых на её актёрском веку было немало. Часть из увиденного и пережитого переплывала в роли, в фильмах, но многое в кадр не попало. Не здесь ли истоки той тяги, которую актриса издавна испытывала к уединению, тихому, затворническому труду за письменным столом?

— Сколько себя помню, — говорит Нонна Викторовна, — всегда писала что-то на клочках бумаги. Характеры людей набрасывала, зарисовки, наблюдения над жизнью впрямь запаса. Сначала это было подспорьем в актёрском деле, потом приобрело самостоятельную ценность. Журналы, газеты (в том числе и любимый мною «Труд») уже опубликовали кое-что из написанного, знающие люди говорят, что и на книжку набралось. Но если честно, то я чувствую себя литератором — мне просто нравится сам процесс работы: хорошая лампа горит на столе, в доме ни звука (телефон отключен), слова ложатся друг к другу. Этой тихой радости мне хватит до конца жизни...

Сегодня мы предлагаем читателям «Труда» три новеллы Нонны Мордюковой, навеянные воспоминаниями послевоенной поры. В них меня поражают не только безукоризненно точно воссозданный «аромат» ушедшего времени, подбор невиданных деталей, подробностей, но и бесстрашная искренность авторской интонации. Впрочем, судите сами.

Леонид ПАВЛЮЧИК,
редактор «Труда» по отделу культуры.

ЧАСЫ

Кончилась Великая Отечественная. Демобилизованные все ехали и ехали в паршивеньких, старых вагонах. Тут и штатские курсируют по своим делам. Мечется народ, лучшего места ищет, своих ищет, домой возвращается. И вот в одном купе собралась разношерстная компания. Речь держит некий господин с выпуклыми от темперамента глазами. Аж слюнями брызгает он, аж жилы надулись на висках. А оттого распалается, что слушают его соседи как-то отчужденно, замкнуто. Суть же дела вот в чем. На руке у того господина были американские часы, он снял их с руки и начал так и эдак вертеть перед лицами сидящих, до эпилептического припадка повторяя:

— Во! Видели? Это же машина! А-ме-ри-ка! Смотрите, сейчас брошу об пол — и ничего с ними не будет. Как тикали, так и будут тикать.

Он бросает часы об пол, поднимает их и свяшенно обносит по кругу, приставляя каждому к уху.

— Ну, идут?
— Идут, — несмело отвечает очередной пассажир.

— Во! Потому что а-ме-ри-канские! Америка — это сила. А что наша матушка-Россия? Пустое место! За что воевали, спрашивается?

Люди в купе собрались несме-

лые, не умеющие постоять за себя. Уже готовы были проглотить оскорбление патристических чувств, как вдруг солдат лет сорока расстегнул в сердцах карман и достал оттуда «луковичку», довоенного еще происхождения.

— А это видел? — показал он «американцу» свои часы и, размахнувшись, шмякнул их об пол. Какая-то сила помогла, видно, солдату, потому что когда он поднял и поднес часы к уху провокатора, тот изумленно пробормотал:

— Гляди-ка, идут.
— Идут, идут, — обрадованно подтвердили соседи.

Потом солдат поднес часы к своему уху и услышал последнее издыхание хода. Механизм остановился. Но солдат не подал вида и торжественно заключил:

— Вот так вот! И нечего тебе тут орать. Ишь разошелся. Ты сам американец-то или русский?

После этих слов солдат гордо и деловито застегнулся на все пуговицы.

— А ну дай-ка, дай-ка послушать еще, — попросил зачинатель спора.

— А это в другой раз — покурить охота, — отвечивал солдат и вышел в тамбур. Долго курил, а как только поезд остановился, — был таков. Даже рюкзачок с харчишками оставил на сиденье. Уж как он до дому добирался — неведомо, но честь

родной державы посрамить не дал.

ТАНЦЫ

Штали мы с подружкой первым послевоенным гогом по Ейску. То танцы, то улица, то парк с театральной раковиной.

Были у нас на примете ребята незнакомые, которых мы держали в списках симпатичных. Не зная их имен, мы для легкости разговоров о них придумали каждому прозвище. «Зелененький» — тот, что в солдатской форме. «Черненький» — в морской форме. «Ремесленник» — паренек с буквами Р. У. на пряжке ремня. «Библиотекарь» — симпатяга, увиденная нами в читальном зале, когда мы искали в «Звезде» «Молодую гвардию».

На танцы, незабвенные танцы, ходили «Зелененький» (его, как скоро выяснилось, звали Боря) и «Ремесленник».

— Напряжение 220, — шепчет подружка, что означает: интересный нас объект направляется к нам. Изображаем увлеченную беседу между собой, пока мужская рука не коснется твоего локтя.

— Пойдем?

— Пойдем... — отвечаешь после паузы и брови кверху взметнешь от «неожиданности».

Добрался до нас и Боря «Зелененький». Хороший он. Теплый, с мягкой ладонью, плечо широкое... А лицо! Улыбчивое, с крупными зубами. Правда, под глазами коричневые тени. Что это? Вроде такой здоровенный парняга... А вот тени почти до щек. Больной? Да ладно! Хороший он, привлекающий всеобщее внимание. Танцует, меня избранный. Но по окончании музыки все-таки уходит один.

И вот однажды снова танцы. Молодежи много, а глаза ищут все-таки Борю. «Ага, он здесь». Но что это? Сегодня Боря стоит у стены и вымученно улыбается.

Духовой оркестр играет, раз за разом уносит степ в вихрь танца. И вдруг: топ-музыка. Танцующие отпрянули от центра зала и с ужасом уставились на Борю, который бьется на спине в страшных судорогах. Моряки бросились к нему, прижали к полу. Потом ловко подхватили

и унесли. Погостили присутствующие, да и снова принялись танцевать. Пошло нежное танго. Я села на подоконник, зная, что на сегодня мои танцы закончились. Не видя ничего и никого вокруг себя, не слыша беспокойных фраз, я была захвачена чувством и недоумением. Что это было? Я не встречалась ни с чем подобным в своей жизни. Как же он бился затылком об пол, пока не налег на него морячки...

Ушли мы с танцев, неся, как обычно, туфли в руках. Сели перед домом на лавочку. Подруга вынесла вареной кукурузы. Молча поели и разошлись. Ночь я спала тревожно: «Боря, Боречка...».

Прошли дни, снова танцы. Мы познакомились и с Борей, и с Р. У. Боря, вроде, выбрал меня в «барышники», но, проводив до дома, никаких таких поцелуев и прочих вольностей не позволял. Мама, конечно, давно введена в курс дела. Допрашивает меня после танцев: «Ну, а ты ему чего? А он как?»

— В воскресенье дома будешь? — спросил Боря как-то.

— А что?

— Да в гости напрашиваюсь...

— Буду, Боря. Приходи...

Мы с мамой сидели за круглым столом шестигранным. Посидели, помолчали, потом мама и говорит:

— В субботу напеку пирожков с картошкой, компоту наварю. Позавтракаем, я с детьми схожу тетю Таню проведать. А вы тут посидите, поговорите.

Видит мама, что волнение, тревога не покидают меня, и наконец буднично так, деловито говорит:

— Ты, дочка, не бойся... Если что случится, прямо вот этот столик отбрасывай к двери — и пускай падает. Бери сразу его голову руками. Не удержишь, что ли?

И вот воскресенье. Я — вымытая, с шелковыми волосами. Сажу волнуюсь. А вот и Боря. Идет сияющий, зубки блестят. Тени под глазами стали для меня чем-то родным — ведь это Борины тени.

Сели за шестигранный столик.

— Сейчас, Боря, мы пирожков с картошкой поедим и компотом побалуемся. А хочешь — молоко с патокой?

— Обожди. — Боря положил мягкую лапу на мою кисть. — Не прыгай. Сиди спокойно. Мы уже завтракали. Мамаша постаралась... И после паузы:

— Вот что я тебе скажу, Нонночка... Ты хорошая девчонка, но... У меня уже есть девушка. Мы с ней еще до армии... Она сейчас с баркасами ушла за рыбой.

Ой, стыд-то какой. И ведь говорить что-то надо.

— А я ничего, Боря... Я ничего такого и не думала...

— Да думали, думали мы — и ты, и я... Но это ни к чему. Я ее люблю и уважаю. За то, что она дождалась меня, приняла контуженного...

— Понятно, понятно, Боря... Молодец она... И ты... И вы оба... Аж со школы... — лепечу я какие-то ненужные слова.

— А теперь дай на дорожку молока... — сказал он, словно тяжелую ношу сбросил.

Я ни жива ни мертва встала, принесла ему кружку молока. Потом мы вышли вдвоем за калитку и разошлись в разные стороны.

Так закончилась история моей короткой любви. На танцы после того я долго не ходила. К тому же заканчивался десятый класс. И у меня впереди была Москва. Но Боря я долго не могла забыть. И мамину деликатность, ее нарочито практичный совет. А о Бориной невесте, что взяла на себя муки пережившего войну солдата, всегда думала по-доброму, без злой, раздражающей ревности.

ФРОНТОВИК

Выступаю в подмосковном кинотеатре. В свободные минутки, как обычно, чай, жадные расспросы устроителей о том о сем. Я не люблю чай, никогда его не пью дома, предпочитаю компот или воду из-под крана. А тут — чай. Значит, за него надо расплачиваться: сколько лет, кто муж, чем занимается сын, какая квартира, какая зарплата... И вот пью я постылый чай, нехотя выслушиваю двух женщин, и вдруг внимание мое «тормозит», сосредоточивается... Директриса, привыкшая к своему горю, рассказывает такую историю. Муж ее — фронтовик, доброволец, давно болеет от ранения на войне. В последние годы дела совсем пошли плохо. Стал худеть, сохнуть. Носил раньше одежду 56-го размера, сейчас — 48-го. Стали

его обманывать, перешивать на только что купленную новую одежду старые метки. Он возненавидел всех за вранье, бросался разными предметами в тех, кто говорил дурацкую фразу: «Все будет хорошо». Врач в прошлом, он лучше других знал, что дни его сочтены.

Однажды попросил жену достать военное свое обмундирование. Стал носить гимнастерку, сапоги, шинель. Оказалось, все по нем. Потому что военная одежда была из тех давних времен, когда он был худ от молодости и яростной борьбы. На какое-то время успокоился, но как-то обреченно, безнадежно. По-прежнему никому не ходил, сидел у окна, глотал таблетки и молчал. Жена всякий раз приглашала его на свои мероприятия в кинотеатр. Ни за что не шел. В этот вечер она возьми, да и скажи ему: «Сегодня у нас встреча с Мордюковой».

— Это надо сходить... — неожиданно сказал он. И пришел в кинотеатр. Первый раз за последние десять лет.

Вот об этом поведала мне директриса, смирившаяся со своим горем, как смиряются люди с переменной времен года.

Я старалась в этот вечер, как могла. И все хотела высмотреть в зале человека в старой военной форме, который знает, что он обречен, который давно откасался от контактов с внешним миром, а тут вдруг собрался и сказал: «Это надо сходить». Взволнованная, попросила директрису позвать мужа за кулисы, захотелось познакомиться с ним, сказать какие-то слова благодарности, утешения.

— Что вы! — всполошилась жена, — он ничего не должен знать о нашем разговоре. Характер у него крутой, трудный. Да и не захочет он знакомиться с исполнительницей роли Ульяны Громовой в таком роковом, безнадежном состоянии...

— Ну, может, все-таки поучится, — взмолилась я.

— Да нет, он уже шкандыбает домой. Вот посмотрите в окно, видите?

Я выглянула и увидела: спящий к нам уходил, опираясь на костыли, худой мужчина с разлетающимися в стороны полами шинели. Я смотрела в темноту, пока его тщедушная фигура не растаяла во мраке ночи.

С тех пор в моей жизни было много всяких наград и премий. Но самая дорогая из них — слова безнадежно больного фронтовика: «Это надо сходить».